

Шар голубой

Персонажи телесериала "Чип и Дейл спешат на помощь", а именно Чип, Дейл, Гайка, Рокфор, Вжик и Гарольд Кошелёк Третий, являются собственностью компании "Walt Disney" и используются в данном произведении без всякого на то согласия правообладателя.

Данное произведение создано исключительно с целью развлечения, не преследует целью извлечение какой-либо коммерческой выгоды и распространяется исключительно свободным копированием. Если вы в какой-либо форме заплатили за данное произведение деньги, требуйте их возврата.

Скрипача звали Вадимом. Он был невысок ростом, толст, рыжеволос, коротко стрижен, носил на мышином носу-пуговке круглые очки в проволочной оправе, а на коротко стриженной макушке — высокую зелёную шляпу-цилиндр, украшенную, по последней городской моде, блестящими железячками. Несмотря на то, что стояло лето, и даже здесь, на крыше, было весьма жарко, он облачился в толстый свитер крупной вязки, поверх которого была наброшена пёстрая форменная куртка музыканта местного оркестра.

Кивнув головой кому-то невидимому, Вадим пристроил на покато плече скрипочку. Мигнул табачным глазом сидевшему рядом аккордеонисту — всклокоченному крысу с удивительно длинным, задранным кверху носом, — и взмахнул смычком.

Аккордеонист взмахнул рыжими патлами, пробежал по клавишам. Стоявший рядом пухлый хомяк надулся, будто воздушный шар, и принялся дудеть в большую, нестерпимо блещущую ярко начищенной медью тубу.

В пронизанном солнцем воздухе поплыла тихая мелодия старой-престарой песни...

На всё я готов, я во власти твоей,
Умру от тоски, коль не будешь моей!..

В расположенном рядом ресторане стих лязг ножей и вилок, примолкли голоса. А уличный клоун, развлекавший детвору на детской площадке, вздёргнул острые уши, заулыбался во весь размаляванный рот и рассыпал по жестяному покрытию звонкие блестящие шарики.

Гаечка приснула. Больно уж потешными был этот коротышка-бурундук в огненно-рыжем парике, с большущим, красным, как слива, носом.

Мышка стояла у самого парапета. Смотрела, как прохаживается мимо разодетая в пух и прах праздная публика, как ловко снуют между ресторанными столиками официанты (и как только они умудряются не ронять подносы? нет, пожалуй, это какая-то научная загадка... может, заняться ею на досуге?..), как вертятся зубчатые колёса мудрёного механизма, приводимого в движение настоящей паровой машиной, как величаво плывёт над головами грузный, исторгающий густые клубы дыма паровой дирижабль. Как ветер полощет укреплённый на длинных шестах большущий холст с надписью "Панорама".

"Я служу механиком в "Панораме"", — будто наяву услышала она тихий голос своего друга. — "Вы наверняка уже слышали об этом увеселительном заведении, устроенном на крыше одного из человеческих небоскрёбов, просто не могли не слышать. Присматриваю за всей имеющейся там машинерией, по совместительству исполняя обязанности кочегара".

Паровая машина, приводившая в движение механизм, с пронзительным свистом выпустила из предохранительного клапана струйку пара. Два важных хомяка, невероятно похожих друг на друга — оба в чёрных костюмах, оба в котелках, оба с тросточками и оба с густыми чёрными усищами, — одновременно обернулись, приложили к глазам козырьком пухлые ладони и принялись наблюдать, как рассеивается пар.

— Паровая машина двойного действия, — глубокомысленно изрёк один.

— Скажу больше: паровая машина двойного действия и повышенного давления, — важно добавил второй.

— Вы, как всегда, правы, уважаемый мистер Томпсон!

— Всегда к вашим услугам, уважаемый мистер Томсон!

И оба, взмахнув тросточками, неспешно направились мимо ресторана туда, где размещались магазины с сувенирами.

Гайка опять прыснула. Посерьёзнела, бросила взгляд на большие человеческие часы, укреплённые на столбе.

Стрелки показывали уже почти семь вечера.

Он скоро придёт...

Мышка торопливо пригладила волосы, отряхнула комбинезон. Обнаружила на плече приставшую белую ниточку, сорвала её, скомкала и бросила в урну.

Когда она уходила, Рокфор протащил мимо по коридору большущий лоскут белой ткани — наверно, с него она и подцепила эту нитку. Чип и Дейл скрылись в своей комнате, а Вжика вообще нигде не было видно.

Не иначе, друзья что-то затеяли. И почему-то в тайне от неё...

Но выяснять не было времени. Она торопливо попрощалась с австралийцем, сбивчиво рассказала ему очередную правдоподобную ложь (от одной мысли выложить, наконец, им правду у неё начинали пылать уши), со всех ног бросилась наружу и едва не опоздала на конвертоплан-челнок, совершавший очередной рейс в "Панораму" в восемнадцать тридцать пять.

"Вас ждёт сюрприз, сударыня", — сказал *он* вчера с мягкой улыбкой.

И порывисто, будто прыгая в ледяной омут, выпалил:

"Я должен сказать вам нечто очень важное!"

* * *

Это случилось три месяца назад, ещё весной, на звериной ярмарке.

Ярмарка проходила в том самом парке, где находилось дерево со штабом Спасателей, в отдалённом его углу, на лужайке, окружённой седыми, будто древние старцы, дубами. Люди появлялись там очень редко, чем и воспользовалось звериное население Лос-Анджелеса. Целая армия рабочих, крыс, белок и сусликов, очистили лужайку от мусора, проредили густую траву, сровняли бугры, вымостили камешками тропинки, установили лавки, балаганы и ротонду для оркестра.

Когда Спасатели возвращались из магазина (тогда Рокфор ещё, не в силах совладать с приступом сырности, проглотил изрядный кус какого-то зверски острого сыра, привезённого из Азербайджана,

а потом всю дорогу обливался слезами, широко разевал рот и пыхтел с присвистом), к ним подбежал мышонок-подросток. Он красовался в серой курточке, какие носили, наверно, ещё в позапрошлом веке, и сером же цилиндре, увеличивавшем его рост не менее чем вдвое.

— Цирк приехал, что ли? — пропыхтел незадачливый любитель сыра.

А мальчишка воскликнул звонко:

— Приходите на звериную ярмарку! Послезавтра в городском парке, в Тайном углу. Будут многочисленные увеселения, паровые аттракционы и прогулка на воздушном шаре!

И протянул Спасателям отпечатанное на бумаге приглашение.

Гаечка поначалу не хотела идти. Её с большим трудом уговорили друзья, наперебой заверяя, что она слишком много работает и что небольшой отдых будет ей лишь на пользу. Да и всё равно мышке тогда было нечем заняться: на новых аккумуляторах для "Крыла" ещё не застыл герметик, а отлитые из жаропрочного сплава лопатки для конструируемого ею турбореактивного двигателя должны были выдерживаться закопанными в песок ещё целых две недели.

Так что она согласилась.

И, как выяснилось потом, поход на ту ярмарку круто изменил её жизнь...

Чего только там не было!..

Огромный сурок-силач поднимал свинцовую штангу. Резко выдыхал воздух, взбурвив стальные мускулы, отрывал неподъёмную тяжесть от сколоченного из досок помоста, приседал, шумно сдувал с носа каплю пота и, наконец, с утробным рыком поднимал штангу над головой. А потом бросал её на помост, отчего слишком тонкие фанерочки жалобно крякали.

— Ого! — разевал рот Дейл.

По натянутой между двумя деревцами верёвке стремительно двигались акробаты. Один из них, ловя равновесие, размахивал зажатой в руке пёстрым китайским зонтиком, другой поводил в воздухе длинным шестом. Они стремительно скользили по верёвке, замирали на мгновение и вдруг делали сальто.

— Ох!.. — вскрикивал тогда Чип. И быстренько нашаривал в кармане куртки бинты и йод, с которыми, поддавшись настойчивым требованиям Тамми — милая белочка училась в медицинской школе и готовилась стать медсестрой, — никогда не расставался.

Фокусник, закутанный в белую хламиду, с белоснежным, украшенным крупным фальшивым рубином тюрбаном на голове, выхватывал из разноцветной коробки то носовой платок, то кривой кинжал, то ворох бумажных цветов. А под конец хитро подмигнул публике, запустил в коробку руку, долго шарил там с хмурым видом и наконец явил всеобщему обозрению надкусанный бутерброд с сыром (чему и сам был немало озадачен).

— Сы-ы-ы-ыр?! — Рокки обалдел не меньше.

Вжик умчался к отряду жуков-реконструкторов, которые на расчищенном от травы пяталке разыгрывали какую-то старинную битву. Взлетали в воздух выструганные из соломинок мечи, обрушивались на сделанные из блестящей фольги доспехи. А когда король в золотой короне сбил с ног неприятельского короля и приставил к его шее меч, собравшиеся вокруг жучки, мушки, комарики, паучки и бабочки восторженно заплодировали.

Оркестр кузнечиков наяривал зажигательное кантри, под которое отплясывал пьяненький суслик-фермер. Другой оркестр, уже звериный, военный, оглушительно гремел медью и барабанами. Носатый крыс продавал сувениры, разложив их на расстеленной прямо на земле тряпице. Варилась в котлах гороховая каша, трещали на сковородках ломтики картофеля, мускулистая хомячиха меси́ла во внушительном чане деревянной лопаткой сладко пахнущее тесто.

Гаечка смотрела на развёртывающееся вокруг неё действие вполглаза. Её мысли занимал злополучный жаропрочный сплав — не мало ли она положила в него молибдена, выдержит ли он чудовищную температуру, что возникнет при сгорании топлива?..

Очередная сцена. На этот раз два клоуна: белый и рыжий. Белый клоун поздравляет рыжего с днём рождения и дарит ему большую коробку. Рыжий с нетерпением раскрывает её, обнаруживает в ней ещё одну коробку, поменьше, внутри неё — ещё одну. Наконец, в последней, десятой по счёту, коробке он находит маленькую конфетку. Зажимает её в руке и принимается громко рыдать, заливая сцену слезами.

— Почему ты плачешь? — участливо спрашивает белый.

— Жалко!.. — сквозь всхлипы выдавливает рыжий.

— Кого? Себя?

— Нет, бумагу...

Мышка прыснула. Глянула по сторонам — как там её друзья?

И с удивлением и тревогой обнаружила, что они пропали.

Как и где они разминулись, Гайка даже не представляла. Кажется, когда они уходили от жуков-реконструкторов, по крайней мере, Чип и Рокки ещё были с ней. И вроде бы как возле лавки того носатого крыса, что так настойчиво уговаривал Гайку купить набор открыток со старинными паровозами, поблизости маячила шляпа командира Спасателей... Или нет?!

Перепуганная мышка метнулась прочь от клоунов. Оглядела окрестности, пробежала по проложенной между сплошными травяными стенами тропке, едва не налетела на старинный велосипед с огромным передним колесом и маленьким задним.

— Поосторожнее, мисс! — укоризненно бросил ей вслед наездник — толстый мыш в тесном клетчатом пиджаке.

Ещё одна узкая тропка, потом — ещё и ещё. Кажется, в отдалении мелькнула знакомая шляпа... Снова какие-то тропки... настоящий лабиринт... Утоптанная площадка, дощатая трибуна с зазывалой, а рядом — привязанный крепкой верёвкой к вбитому в землю колышку, неудержимо рвётся в небо раскрашенный в красный и жёлтый цвета воздушный шар.

— Дамы и господа! Только здесь и только сейчас! — зазывала взмахнул рукой с зажатой в ней тросточкой. — Незабываемое и поучительное путешествие на воздушном шаре! Подходите, подходите, не стесняйтесь и не бойтесь — это совершенно безопасно. И стоит всего один доллар!

Тут он углядел застывшую в нерешительности изобретательницу и призывно замахал ей:

— Мисс! Юная мисс в голубом комбинезоне с очками на голове! Не желаете ли совершить впечатляющее путешествие по воздуху?

Но Гаечке было совершенно не до полётов.

Она снова огляделась. Из непонятного механизма, скрытого за собравшейся у воздушного шара толпой несмело шушукających зевак, валила струя чёрного дыма и временами со свистом выстреливали струйки пара. В стороне родители-мыши деловито пересчитывали выводок веселящихся детишек. Где-то в отдалении продолжал гроыхать военный оркестр.

Ей показалось, что шляпа Чипа замаячила в конце длинной и узкой тропки, отходившей прямо от площадки с воздушным аттракционом. Она со всех ног бросилась туда, свернула, потом ещё, ещё, ещё и оказалась в тупике.

Заросли травы расступились, и навстречу ей вышли двое. Один, в рваной рубашке и дырявом картузе, косился на неё одним глазом (на втором было белёсое бельмо) и постоянно сплёвывал. Второй, низкий, с обрубленным хвостом и без половины уха, прятал правую руку за спиной.

— Приветик, дамочка, — прогнусавил первый. — С чем к нам пожаловала? — и в очередной раз плюнул.

— Давай кошелёк, быстро! — сипло буркнул второй.

И выставил вперёд руку.

В грязном кулаке был зажат длинный зазубренный нож.

Сердце Гаечки замерло. Она отступила назад, едва не споткнулась. Быстро оглянулась, ища помощи, но, как назло, никого поблизости не было.

— Давай денежки, дамочка, — протянул первый. — И не зли моего дружбана Фила — а то он нервный!..

Фил дёрнул разбитой губой. Махнул ножом, вознамерился сказать что-то...

Но не успел.

Заросли травы неожиданно раздались, и на злоумышленников обрушился ураган яростного огня и сверкающей меди!

* * *

Медный цилиндр паровой машины был начищен до блеска. Неистовым весёлым огнём горело на нём солнце.

Шустрый мышонок в матросском костюмчике, пробежавший мимо, остановился и принялся корчить рожицы собственному отражению.

— Молодой зверь! — Проходивший мимо толстый пожилой бурундук в твидовом костюме и котелке остановился и погрозил шалуну пальцем. — Немедленно прекратите! Кривляться крайне некультурно.

Мальчишка быстро стрельнул на него ясными глазками и убежал. А важный господин приблизил круглое лицо к цилиндру, пригладил пальцем густую бровь и, не удержавшись, показал себе язык.

Мышка прыснула.

А стальные шестерёнки быстро вращались, приводя в движение многочисленные мудрёные штуровины, в изобилии расставленные вдоль этого края площадки. Крутились колёса, ходили туда-сюда шатуны, поблёскивали от густой смазки отполированные до блеска штоки. Мерно шипел пар в клапанах.

* * *

Мода на паровую технику и вообще на, как выражались жители зверино-го Лос-Анджелеса, век пара захлестнула город с полгода назад. И более походила на массовое помешательство.

Началось всё с того, что год назад знаменитый путешественник Реджинальд Роув, поспорив с каким-то заезжим толстосумом на немалую сумму денег, вместе со своим другом, инженером Хансом Гербером, построил дирижабль, приводимый в движение паровым двигателем, и, опять же, на спор совершил на нём воздушное путешествие в Южную Америку, в самые неисследованные её уголки. Путешествие длилось около полугода и было сопряжено с таким количеством приключений, что по возвращении Роува на родину ещё один из его многочисленных друзей, журналист Эрнест Флеминг, написал о них толстенную книгу. Книга разошлась моментально; помнится, Чип и Дейл, жаждавшие заполучить её, торчали, сменяя друг друга, в зверином книжном магазине "Дэниэл Скрипт и братья", что находился в центре города, трое суток напролёт, да так и остались с носом. (Правда, впоследствии Дейл выклянчил пухлый том у соседей и читал её вместе с другом ночами напролёт добрую неделю.)

А вскоре редакции газеты "Лос-Анджелес Маус" и журнала "Американский репортёр", объединившись, ради рекламы построили на собственные деньги паровой самолёт. Он величаво плавал по воздуху, неторопливо махал лопастями двух здоровенных винтов, но так дымил, что Рокфор неодобрительно обозвал его коптильней. Однако публика, которую пускали прокатиться за пятьдесят центов, была в полнейшем восторге.

А после состоялись гонки локомотивов — паровых автомобилей. Клубы чёрного-пречёрного дыма стлались над сколоченными из дощечек трибунами, где восседали судьи, над ухабистой трассой, что пролегала за городом, над самими зрителями — многие из них, кстати, где-то раздобыли старинные наряды конца позапрошлого века, как раз времён эпохи пара, — с одинаково чумазыми и одинаково счастливыми физиономиями. А когда никому не известный гонщик-любитель, отставной лейтенант Финеас Джонс, на допотопном "Вудровере Эйч" взял первый приз, вошедшая в раж толпа, ломая трибуны, ринулась вперёд и подхватила победителя на руки.

А потом сам Говард Кошелёк, первый богач города и признанный законодатель мод, сменил сделанный на заказ, роскошный, дорогуший электромобиль "Бенетта", привезённый аж из Италии, на такой же "Вудровер", только модели "Ай"...

* * *

— Сударь! — громогласно возвестил проходивший мимо длинный крыс в куртке из кожаменителя, серых суконных штанах, суконных крагах, с нацепленными на голову очками-гогглами. — Я не спорю: "Вудровер" — великолепный локомотив, исключительно надёжный и обладающий просто несравненной приёмистостью. Однако он и подмётки не годится канадскому "Империял 62"! Какая мощность — просто вулкан на колёсах! Видели бы вы, как я обошёл на нём самого Дадли!..

Спутник крыса, приземистый сурок в тёмном костюме, с моноклем в глазу, с сомнением покачал головой.

— Возможно, вы и правы, дорогой друг, но, если мне не изменяет память, у Дадли на трассе возникли проблемы с уплотнением, и в цилиндре упало давление. По крайней мере, так сообщалось в газетах, в частности, в "Спринтере", который вы, как я знаю, читаете от корки до корки.

Крыс отмахнулся:

— Как бы то ни было, я его сделал! А нашему Стремительному Дадли не помешало бы нанять механика получше...

Механик!

Гаечка взглянула на часы. Было уже десять минут восьмого.

Где же он? Неужели что-то случилось?..

"К сожалению, моя подведомственная машинерия не отличается высокой надёжностью..." — его тихий голос наполнился грустью. — "Механизмы часто ломаются. Не далее как сегодня в обед мне пришлось битых два часа искать утечку пара. Обнаружилась она в одном из сальников, находившихся в на удивление неудобном месте..."

И — с надеждой:

"Дождитесь меня, сударыня! Всенепременнейше дождитесь! Я... я должен кое-что сказать вам..."

Любил я, люблю, вечно буду любить.

Зачем же меня понапрасну томить? —

продолжал играть оркестр.

"И ещё... ещё у меня есть для вас сюрприз... Вы же любите путешествовать?"

Гаечка ласково погладила медную шишечку на поручне. Подняла голову и принялась глядеть в яркое, удивительно синее небо.

Толстый араб, закутанный по самые брови в белую хламиду, неспешно пошёл мимо. Поравнявшись с девушкой, приостановился, бросил на неё быстрый внимательный взгляд.

Почувствовав его, мышка обернулась. Араб тотчас прикрыл лицо полкой одеяния и торопливо засеменил дальше.

Только сверкнули в солнечном свете странно знакомые зелёные глаза...

* * *

— Сударыня! Ох... Сударыня! Вы не пострадали?

Чьи-то руки мягко подняли упавшую Гаечку, усадили на сиденье. Послышался мерный шум пара и потрескивание огня в топке.

— Сударыня! Вам дурно?

Мышка подняла веки. Помотала головой, всмотрелась.

Это был незнакомый мыш. Невысокий, худой, с бледным лицом и рассыпавшимися по плечам длинными соломенными волосами. В смешном старинном костюме, будто пришедшем прямо из конца позапрошлого века.

С удивительно синими глазами, в которых, казалось, навсегда застыло безоблачное летнее небо...

— Слава господу! — с облегчением выдохнул он. — А я-то уж боялся, что вы лишились чувств... Я заметил вас пару минут назад, когда проезжал мимо, и сразу понял, что вы заблудились. Поехал за вами и, кажется, поспел очень вовремя... Не бойтесь более тех двоих прохвостов — они уже убежали... Я отвезу вас домой. Где вы живёте? Как вас зовут?

До мышки не сразу дошёл смысл сказанных им слов.

— Э-э-э... Шпилька... то есть Шайба... то есть Гайка!.. — выпалила она, не в силах отвести от него взгляда.

Он улыбнулся.

— Шайба? Интересное имя... А я — Артемус Флайт.

— Артемус...

Гайка несколько раз повторила про себя это имя. И оно звучало слаще самой прекрасной на свете музыки...

— Я здесь что-то наподобие, как иногда говорят, массовика-затейника, — рассказывал он, когда они неспешно ехали по тропке на его удивительном локомотиве. — Развлекаю публику, катая их на этой таратайке... Вы же, вероятно, знаете, сколь популярна в настоящее время паровая техника, и старинная, и современная, сделанная под старину. Да и сам я смею считать себя ревностным поклонником эпохи пара...

— Эпохи пара... — эхом выдохнула Гаечка.

Она сидела рядышком на жёстком сиденье и, не отрываясь, смотрела на нового знакомого. Он уверенно глядел вперёд своими ясными синими глазами, ловко удерживал на голове мышиными ушами канотье, украшенное разноцветными лентами и медными бляшками, иногда поправлял выбивавшийся из-под клетчатого пиджака галстук. Тонкими, опутанными жилами руками уверенно сжимал руль.

— Я здесь просто подрабатываю, а на постоянной основе служу механиком в "Панораме", — продолжал он. — Вы наверняка уже слышали об этом увеселительном заведении, устроенном на самой крыше одного из человеческих небоскрёбов, просто не могли не слышать!..

И воскликнул горестно:

— Ах, я, невежа!.. Рассказываю всё о себе да о себе, как будто невеста какая значительная персона... И совсем забыл, что вы попали в беду! Сударыня, вы ведь и вправду заблудились в этой свистопляске? Вы здесь с родителями? С друзьями? Может быть, с кавалером?

Мышка принялась так мотать головой, что волосы разлетелись в разные стороны.

— Нет-нет! Я здесь с друзьями! Просто они отстали от меня... или это я отстала от них?..

Он ласково взглянул на неё.

— Тогда что же мы колесим вокруг да около? Давайте разведём пары и отправимся на их поиски!

И повернул рычаг. Паровой двигатель зачухал чаще, и локомотив побежал быстрее.

— Но постойте, сударыня Шайба... виноват!.. Гайка! Вы не боитесь высоты?

Гаечка снова замотала головой.

— В таком случае возьму на себя смелось пригласить вас на воздушную прогулку. Вон тем аэростатом владеет мой знакомый, зовут его Донни, и он не откажет мне в небольшой услуге (тем более что я управляюсь этим летательным аппаратом явно лучше него). А ещё у него есть весьма сильная подозрительная труба, которая в нашем грядущем предприятии будет как нельзя кстати.

Сверху собравшиеся на ярмарку звери были не крупнее муравьёв. Мышка поднесла к глазу одолженную Донни, толстым деловитым бурундуком, медную подозрную трубу. Повертела кольцом, регулируя резкость.

— Видите кого-нибудь из друзей? — тепло дохнул ей в затылок стоявший рядом Артемус.

— Пока нет... Ой, кажется, это Чип... нет, не он...

Молодой мыш покрупче ухватился за поручни гондолы. Всмотрелся в кипящее внизу звериное море.

— Успокойтесь, сударыня, — сказал он. — Начните осмотр с самого большого балагана, а потом постепенно приближайтесь к периферии. Не торопитесь. Старайтесь высматривать самые характерные приметы ваших друзей. У упомянутого вами Чипа, насколько я помню, имеется весьма специфическая шляпа, а Рокфор, скажем так, склонен к полноте...

Гаечка благодарно кивнула ему. Снова приникла к трубе.

Шляпы, шляпы: чёрные, щегольские, белые, летние, цветные, не иначе принадлежавшие представителем местной богемы... Фуражки, бейсболки, панамки... Старинные цилиндры и котелки, по последней моде украшенные бляшками, зубастыми шестерёнками и совсем уж непонятно какими металлическими конструкциями... Попалась даже каскетка — пластиковый обруч, охватывающий голову, с козырьком; такую штуковину носил Мэтью, скромный бухгалтер в большом зверином магазине через квартал и давний приятель Рокки...

Но что это?

Обладатель широченной жёваной панамы вдруг поднял лицо, украшенное крупным красным носом. Мышка от волнения дёрнула трубой; в поле зрения попали торчавшие из разинутого рта два больших белых зуба.

— Это Дейл! Это Дейл! — закричала она, отчаянно жестикулируя.

Артемус спешно подхватил её под руку.

— Крикните ему, — и подал сделанный из мятой жести рупор. — Скажите, что вы — здесь, на аэростате, и скоро присоединитесь к нему. Только кричите погромче.

Гаечка изо всех сил принялась звать друга. Наконец он повернулся, взглянул на воздушный шар, и его унылое лицо просветлело.

— Теперь немедленно вниз! — и новый друг Гаечки потянул трос, ведущий к клапану, который выпускал из шара горячий воздух. — Моя таратайка, хоть и с причудами, но домчит до места в мгновение ока. Вы ведь заметили, где находится ваш друг?

— Безусловно я наслышан о Спасателях, сударыня! Так они — ваши друзья? Пойдите... выходит, вы тоже состоите в этой замечательной команде? Ох... вы даже не представляете, как я рад знакомству с вами!..

Он хотел что-то добавить, но его прервал свирепый рёв, доносившийся из-за собравшейся вокруг толпы. Похоже, это был Рокфор — войдя в раж, он пробивался сквозь сборище зверей, как ледокол через полярные льды.

И тут паровая таратайка Артемуса внезапно взбрыкнула, как норовистый конь. От сильного толчка мышка упала с сиденья прямо на утопанную землю и ушибла коленку. Поднимаясь на ноги,

она успела заметить, как локомотив с разбойничьим свистом несётся сквозь заросли травы, не разбирая дороги, как бросаются врассыпную оказавшиеся на его пути звери...

Гайка так и не рассказала друзьям о сегодняшней встрече. От одной мысли о ней, о своём новом знакомом она начинала неудержимо краснеть, а её уши, казалось, вспыхивали, как порошок магния, который Дейл однажды неизвестно откуда притащил на кухню штаба и ничтоже сумняшеся сыпанул прямо на зажжённую плиту.

До самого вечера она ходила сама не своя. Спотыкалась на ровном месте, на вопросы отвечала невпопад, отчего Рокки даже решил, что она заболела, и полез в сундучок за аспирином.

А вечером в шестичасовом выпуске звериных новостей передавали о новом увеселительном заведении "Панорама", которое открылось совсем недавно, которое находится на крыше человеческого небоскрёба, которое принадлежит концерну Гарольда Кошелька и на которое можно попасть, сев на рейсовый конвертоплан-челнок № 48.

Гайка не медлила ни минуты. Бубня и путаясь, полыхая красными ушами, она наплела друзьям, что приглашена выступить в клубе любителей реактивных двигателей и домой вернётся поздно, и бросилась на остановку челнока...

* * *

Вадим на время оставил свою скрипочку. Сейчас солировал аккордеон: поблёскивали начищенные до блеска металлические вкладки, мягко отсвечивал перламутр, и вдохновенно летали по воздуху длинные рыжие волосы музыканта.

Гаечка стояла у оркестра. Рядом находился ресторанный столик; какой-то толстый, покрасневший, мокрый от пота тип-белка тискал волосатой лапищей худенькую бледненькую мышку, шептал ей в ушко мокрыми красными губами. От толстяка так и тащило коньяком.

Было уже двадцать пять минут седьмого. Уже прибыл к верхней, пассажирской, посадочной площадке рейсовый конвертоплан № 48, надымил из широкой, похожей на граммофонную трубы, развернул вертикально винты, величаво сел и снова как следует дымнул. Шустрый опоссум в красной livрее подкатил к выходной двери трап, протянул руку сходящей первой важной даме-крысе в мехах и драгоценностях, помог сойти и быстренько сунул в карман монетку — полученные за услугу чаевые. Двое деловитых сусликов в холщовых робах принялись загружать в топливные ящики дрова и древесный уголь.

Мимо ещё раз прошёл араб с зелёными глазами, потом вернулся, сопровождаемый коротышкой-бурундуком, под носом которого красовались развесистые усы. Всё так же приплясывал, ловко жонглировал шариками уличный клоун.

Гаечка привстала на цыпочки, вытянула шейку, сияясь увидеть, что не торчит ли кто у служебной лестницы, ведущей на нижние ярусы. Обычно там постоянно сновали официанты, а иногда маячил управляющий. И посторонним вход туда был строго запрещён.

"Ох, вы даже не представляете, мисс, сколько я побегал по этой лестнице... С площадки на верхний уровень, на кухню, менять перегоревшие лампочки, на второй уровень, в холодильный блок, запаивать трубы. Ну, а на самом нижнем, уровне, в машинном отделении, где мы сейчас находимся, — как говорится, моя вотчина!.."

Артемус... Где же ты?.. Что с тобой случилось?..

Как назло, у лестницы маячил сам управляющий, необъятно толстый хомяк с круглой, как луна, постной физиономией. А с них лучше не связываться...

"Обязательно дождитесь меня!.. Обещайте..."

Мышка принялась нервно тискать в ладонях хвостик.

Минуты за годы казались мне, —

наигрывал аккордеон.

Какая-то модница в белоснежной шубке, обтягивающих брючках, изящном лётчицком шлеме на белокурой головке, с тщательно размазанной по хорошенькому личику графитовой смазкой оглядела Гайку с ног до головы, фыркнула, задрала нос и с самым независимым видом направилась к стоявшей поодаль подруге в длинном старинном платье, расшитом серебряными цепочками и шестерёнками.

Рядом остановилась преколоритнейшая парочка. Грузный пожилой мужчина-белка в самом настоящем фраке, цилиндре, при тросточке и белоснежных перчатках смотрел на окружающее сквозь медный монокль и с наслаждением курил толстую сигару. Его спутник, приземистый, круглый, как мячик, хомяк в сером костюме и мягкой шляпе, постоянно державший правую руку в кармане, казался рядом с ним мальчиком-подростком.

Белка встретился взглядом с Гайкой, приподнял цилиндр и слегка поклонился.

— Филлипс, любезный мой друг, как я вам уже говорил, это дело решённое, — прогромыхал он, очевидно, продолжая начатый ранее разговор, которого наша героиня не слышала. — Звериный университет штата Калифорния вкупе с Техасским университетом согласились финансировать мою новую экспедицию, о коей я вам, по вашему собственному выражению, прожужжал все уши. — Он выпустил густой клуб дыма. — О, да, та самая — поиски неведомого города! Подготовка практически завершена, все необходимые припасы и оборудование заказаны. Отправляюсь в Чили, на крайний юг, в места, где ещё не ступала нога цивилизованного зверя! Не будь я Реджинальд Роув!

Мышка уставилась на него во все глаза. Ещё бы — ведь это был самый знаменитый путешественник в мире!

Филлипс в ответ молча кивнул. Извлёк из кармана руку, в которой обнаружился маленький блокнотик с прикреплённым к нему ниткой карандашом, раскрыл его и принялся мелко писать.

— Да вы газетчик до мозга костей, старина!.. — Роув с неудовольствием повертел хвостом, в котором поблёскивали седые волосы. — Когда вы на работе, из вас и клещами словечка не вытянешь... а на работе вы постоянно, даже по вечерам, даже в выходные... И всё-то записываете, царапаете вашим карандашиком!..

— Долг службы, — коротко бросил маленький хомяк, ставя точку. — Ну-с, — он снова сунул руку в карман, — полагаю, во время вашей экспедиции вы оставите какие-то заметки, дневники, записи?

Великий путешественник мощно хлопнул его по плечу.

— Всенепременно, дружище, всенепременно, даже не сомневайтесь! И, разумеется, первым же делом представлю их вам.

— Благодарю вас, Реджинальд! — и Филлипс улыбнулся. — Безусловно, вы не упустите случая изрядно прихвастнуть...

— ...А вы — тиснуть новую книжицу и заработать на ней немало денег, — парировал Роув, гулко хохоча.

И, выпрямившись, взглянул вдаль совсем молодыми карими глазами.

— Ах, приключения!.. Старый верный воздушный корабль, шум моторов, свист ветра в вантах, добрые друзья рядом — и лишь бескрайний просто впереди! Только вперёд — и прощай, подступающая старость! Приключения, путешествия, открытия, новые страны на горизонте, новые земли, где ты ещё не был — что может быть лучше!.. Ах, милый, скучный мой Филлипс, бросайте ваш тесный пыльный кабинетик в редакции, где вечный гвалт и непрекращающаяся толчея, и отправляйтесь со мной! Увидите всё собственными глазами — и, — тут он шутливо толкнул друга локтем, — более не сможете упрекнуть меня в том, что я, по своему обыкновению, нещадно преувеличиваю свою доблесть...

И снова захохотал, да так, что перекрыл даже бумканье тубы.

— Отправляйтесь со мной, старина! Признайтесь: ведь вы мечтаете об этом.

Мышке опять вспомнился Артемус.

"Ах, приключения!.. Вы даже не представляете, сударыня, как я мечтаю о них... Взойти на воздушное судно, развести пары в машине, взяться одной рукой за штурвал, а другой сжать ладонь верного друга. И никогда-никогда её не отпускать, что бы не случилось!"

Любил я, люблю, вечно буду любить, —

пела скрипочка Вадима.

Послышался гул моторов — это величаво, испуская клубы дыма, поднялся в воздух челнок. Прелестная изобретательница восторженно вскрикнула. Так и есть, уже половина шестого.

А Артемуса всё не было!

— Видите управляющего? — спросил Роув у Филлипса. — Вон, вон, маячит у служебной лестницы... Совсем скоро, минут через десять или около того, сюда должен прибыть сам владелец заведения, мистер Гарольд Кошелёк. И этот тип, как я погляжу, хочет перед ним выслужиться. Часа этак с пол только и делает, что носится туда-сюда, что челнок в ткацком станке, сам, лично всё проверяет. Недавно напустился на одного беднягу-официанта, у которого на платье оказалась едва заметная ниточка!

— Пренеприятнейший тип, насколько мне известно, — заметил журналист.

— И не говорите, дружище... Каналья первой гильдии! Я слышал, будто бы он нечист на руку... — И вскрикнул внезапно: — Нет, вы только посмотрите! Какая прыть!!!

Мышка торопливо привстала на цыпочки, покачнувшись, едва не упала. И в самом деле: управляющий, визгливо голоса и подпрыгивая на коротких ножках, уже бежал прочь от лестницы.

Сейчас — или никогда?

Едва не сбив с ног невесту откуда подвернувшегося усатого бурундука, она рванулась с места с такой скоростью, будто участвовала в соревнованиях по спринту. Поскользнувшись на металлическом полу, взмахнула руками, кое-как поймала равновесие, проскочила между стайкой детишек, собравшихся у клоуна, и поручнями площадки, быстро поискала глазами главу заведения (того уже не было видно), затормозила у лестницы и быстро-быстро заработала ногами.

* * *

— Сударыня! Мисс Гайка! Неужели это вы?

Это был он. Артемус Флайт.

Вместо старинного костюма позапрошлого века теперь на нём были мятый серый комбинезон и грязный, весь в ржавчине и машинном масле, прожжённый в паре мест плотный фартук из кожанителя, свисающий до самого пола. На голове каким-то чудом держалась до отказа малюсенькая, до отказа засаленная суконная шапочка с обгорелым козырьком. Одна рука сжимала большущий разводной ключ, другая тискала замасленную ветошь.

Лицо его густо покрывала копоть. И только всё так же сияли глаза, синие, как пронизанное солнцем небо.

— Это и в самом деле вы... — счастливо выдохнул он. — Отыскали меня здесь...

И заговорил смущённо:

— Вы уж простите меня, олуха, за то, что я оставил вас тогда, на ярмарке!.. Мой локомотив, знаете ли, с причудами. Пока мне удалось остановить его, он успел проехать с пятьсот звериных ярдов...

Не слушая, она приникла к нему. Отстранилась рывком, жутко покраснела, по дурацкой, ещё детской привычке принялась нещадно теребить хвост, будто он чем-то провинился перед ней. Прошептала едва слышно:

— Я скучала без вас...

Он приблизился. Посмотрел ласково сверху вниз, произнёс с ласковой укоризной:

— Как же вы перепачкались...

И поманил её рукой:

— Идёмте в мою мастерскую. Там у меня должна быть жестянка скипидара.

— Первую пригодную для коммерческой эксплуатации конструкцию паровой машины спроектировал человек, англичанин Томас Ньюкомен, в 1712 году, — рассказывал Артемус. — Это была чрезвычайно примитивная конструкция, называемая пароатмосферной, одним из недостатков которой был крайне низкий КПД. Для работы машина Ньюкомена требовала гигантского количества угля и воды; впрочем, поскольку она применялась для откачки воды из угольных шахт, и того, и другого было с избытком... Вы знаете, что такое пароатмосферная машина, мисс?

Они сидели на жёсткой дощатой лавке в закутке машинного отделения, где Гаечкин друг устроил свою мастерскую. За их спинами возвышался верстак, заваленный разнообразными железяками, над головами тлея лампочка от человеческого фонарика, а вокруг двигалось, крутилось, размеренно ходило взад-вперёд, полыхало огнём, посвистывало паром, гудело, ревело, скрежетало обширное скопище машин и механизмов.

— Здесь люди опередили зверей, — продолжал худенький механик. — Однако очень скоро мы взяли реванш. Первую конструкцию паровой машины двойного действия придумал тоже англичанин, но уже зверь, крыс Алайстер Мортимер. Первый экземпляр был установлен на звериной ткацкой фабрике и приводил в движение два десятка станков. А вот второй мистер Мортимер поставил на тележку, на которой возил уголь, и, таким образом, создал первый в истории локомотив!

Правда, испытания оказались не очень удачными: тележка перевернулась, из топки высыпался горящий уголь, возник пожар, и изобретателю пришлось звать зверей, чтобы его потушить.

— Я и не знала об этом... — прошептала мышка, не сводя с него сияющих глаз.

Ей было удивительно хорошо здесь сидеть рядом с ним, смотреть на его перепачканное сажей, но такое милое лицо, слушать его негромкий, но такой чарующий, успокаивающий голос. Она наблюдала, как он, рассказывая о давно минувших временах, взмахивал ладонью перед собой, как морщил лоб, припоминая какое-нибудь имя или дату, как мгновенно грустнел, описывая что-нибудь невесёлое, и как искренне улыбался, если героям его рассказа удавались все их замыслы...

— Никто не знал, что в вино было подсыпано снотворное... — уголки рта Артемуса горестно поползли вниз. — Не в силах выиграть гонку честно, барон фон Кройц решил усыпить несчастного Петерса и его команду. И, когда Петерс проснулся, увидел, что причал пуст — все участвовавшие в соревнованиях суда уже отплыли...

— Он проиграл? — с замиранием сердца вздохнула изобретательница, глядя на его печальное лицо.

— О-о-о, сударыня! — И повеселевший Артемус хитро подмигнул ей. — Вы не знаете Хельмута Петерса. Он был гениальным изобретателем. Его паровая машина двойного расширения являлась настоящим техническим чудом того времени. Он выжал из неё всё, на что она была способна. И победил!

Его лицо озарилось неподдельной радостью. И тут же потемнело, будто затянутое тучей.

— Ах, я, невежа и нищеврод!.. — воскликнул он. — На первом свидании полагается вести девушку в ресторан или кино. А у меня на это нет ни денег, ни времени...

Гаечка ласково погладила его по руке.

— Ничего страшного... Я всё равно не люблю рестораны. Лучше... лучше расскажите ещё что-нибудь. Вы так много знаете...

И он рассказывал ей...

О большой регате по озеру Верхнему, когда Сэмюэль Мосс схлестнулся в отчаянной схватке с давним соперником, канадцем Майроном Мастерсоном; проиграли оба — их обошёл многообещающий новичок Джонни Лонг по прозвищу "Ковбой на паровом ходу". Об отчаянном полёте на Северный полюс, предпринятом Густавом Гранквистом, и о крушении, постигшем его дирижабль "Ледяной дракон". И о не менее отчаянной спасательной экспедиции Кристиана Гранквиста, сына Густава, вылетевшей на "Коршуне", самом быстром на тот момент паровом самолёте.

— А вы знаете, что в своём последнем путешествии великий Реджинальд Роув наблюдал весьма примечательное явление? — Тут Артемус понизил голос до заговорщического шёпота. — Об этом мало где публиковалось; Лестер Филлипс, известный журналист, друг и биограф знаменитого путешественника, не описал это событие в своей книге... Роув клянётся на библии, что, пролетая над Андами, видел в небесах чудесный город. Разумеется, он пытался отыскать его, но, к несчастью, припасы подходили к концу, а машина изрядно износилась и требовала капитального ремонта. Пришлось возвращаться, что называется, несолоно хлебавши...

Над их головами задребезжал подвешенный на верёвке жестяной колокольчик. Артемус поспешно поднялся, оправил фартук и принялся запихивать раскиданные на верстаке инструменты в ящичек с ручкой.

— Дёргают два раза, немного ждут, а потом дёргают ещё раз — это холодильное отделение, — пояснил он уже на бегу. — Наверно, труба опять пропускает аммиак... — И подхватил в другую руку тюбик моментального клея. — Подождите меня — я мигом!

— Будьте осторожны! — едва успела крикнуть ему Гайка.

Худенький механик убежал, громко топая расхлябанными башмаками. Мышка осталась в одиночестве.

Она встала со скамейки. Подошла к верстаку, посмотрела на лежавший на нём заляпанный смазкой чертёж какой-то паровой машины, отметила её небольшие размеры и, судя по всему, довольно высокую мощность. Случайно смахнула на пол листочек с математическими расчётами, ойкнула и поспешно вернула его на место. Долго стояла перед приколотым к стенке плакатом — ярко раскрашенный воздушный шар с широкой горловиной снизу парил над какими-то горами.

"Монгольфьер", — вспомнилось девушке его название.

Она прошла по машинному отделению. Постояла перед большой паровой машиной, приводившей в действие холодильную установку, подобрала с пола оброненную щепочку и бросила в жарко пылающую топку. Остановилась перед второй машиной, поменьше, которая вращала электрогенератор, прислушалась к шуму редуктора.

— Надо смазать... — заметила вполголоса.

Носатая маслёнка стояла шагах в десяти, у стены. Мышка прошла к ней, наклонилась и заметила за ржавым ящиком, наполненным древесным углём, газовый баллон коричневого цвета.

— Странно... — она озадаченно потёрла лоб. — Ведь в коричневых баллонах хранят гелий.

После смазки редуктор перестал скрипеть и загудел довольным басом. Счастливая Гайка утёрла пот.

— Хозяинничаете, сударыня, в моё отсутствие?

Это был вернувшийся Артемус. Он бухнул ящик с инструментами на пол, швырнул пустой тюбик из-под клея в ржавую лохань с мусором.

— Заклеил, — доложил он. — Продержится какое-то время... И спасибо вам за помощь, мисс Гайка.

Жарко сверкали в свете лампочки ярко начищенные шары центробежного регулятора. Залихватски свистел пар из предохранительного клапана. Весело пылал огонь в двух топках.

— Ах, приключения!.. Вы даже не представляете, сударыня, как я мечтаю о них...

Они распрощались под самым деревом, где находился штаб Спасателей. Долго стояли, взявшись за руки.

— Спасибо за то, что проводили... — выдохнула мышка.

— Полноте... Какие пустяки...

В синих глазах Артемуса вспыхивали далёкие звёзды.

— Я, пожалуй, вернусь на работу... — смущённо сказал он. — Нужно кое-что доделать там...

— Ой, простите!.. Я вас, наверно, отвлекла от дел...

— Ничего страшного... Дела подождут...

Дома никто не спал. Все ждали её.

— Гаечка, родная моя! — как-то совсем уж по-бабьи запричитал Рокфор, вскакивая с дивана. — Да что ж это за клуб любителей-то такой, что ж они полуночничают-то, что ж им днём-то ясным не заседается? Да у меня ж сердце всё изнылось, пока тебя дождался, мышенька моя!

Чип и Дейл сорвались с места, подскочили к ней.

— Всё нормально, Гайка? — спросил Чип.

— К тебе никто не приставал? — начал Дейл. — Если кто прицепился, только скажи — я ему кы-ы-ы-ык!.. — и влепил невидимому противнику мощный апперкот.

Мышка не сразу поняла, что они говорят. В её ушах продолжал звучать негромкий, взволнованный голос её друга:

"Приходите, сударыня! Обязательно приходите ещё! Я всегда буду ждать вас!.."

— А? Что? Ой, простите... — И затараторила торопливо: — Нет-нет, со мной всё в порядке. Да, этот кружок заседает поздно вечером. И... — Тут она отвела взгляд. — В общем, меня снова пригласили... завтра... и в следующие дни тоже... Нет-нет, не беспокойтесь, я очень осторожна и знаю приёмы!

* * *

К счастью, и в этот раз Гаечке никто не встретился. Она сбежала по лестнице в самый низ и толкнула тугую скрипучую дверь.

Машинное отделение, как обычно, встретило её полумраком, жаром и гулом. Где-то хрипел пропускающий пар сальник; из трубы, отводящей воду от конденсатора, капало прямо на цементный пол.

Мышка подхватила с поля обрывок тряпки, кое-как завязала прореху на трубе. Поскребла железом коготком.

"Плохая труба", — подумала с досадой. — "Похоже, обычная углеродистая сталь. В то время как сюда нужно ставить трубу из качественной нержавеющей стали".

Она быстро прошагала к мастерской. Возле скамейки, важно выставив нос, стояла маслénка, рядом валялся порвавшийся приводной ремень. Поодаль виднелся ещё один коричневый баллон. На верстаке белели аккуратно разложенные, придавленные гаечками и шайбочками чертежи.

Изобретательница подошла поближе, отодвинула брошенный прямо на них обрывок провода со сгоревшей изоляцией. Машинально отметила про себя, что изоляция слишком тонкая, да и провод имеет недостаточную толщину. Склонилась, отбросила упавшие на глаза волосы, всмотрелась.

Над этими чертежами и расчётами они с Артемусом корпели больше двух месяцев.

Вот паровая машина. Два цилиндра, установленные буквой "V", компактные, но прочные, способные выдержать высокое давление. Компактная топка; мыш-механик собирался использовать в ней древесный уголь, дающий больший жар, чем обычные дрова. Испаритель из тонких трубок, прочная отводящая труба. Хороший двигатель — такой можно ставить даже на самолёты.

"И — вперёд, на поиски приключений!"

"Вы любите приключения, сударыня?.."

Аэростат. Круглый, опутанный канатами. Внизу — крепление для гондолы, которое рассчитывала она сама.

Сама гондола. Цилиндрическая, сделанная из прочного пластика, с прорезанными в боках круглыми, забранными оргстеклом иллюминаторами. С пилотским креслом перед штурвалом, со скамьями вдоль стен. С небольшим машинным отделением, в котором как раз поместится та маленькая паровая машина. С тендером для топлива, тянущемся поверху, прямо под крышей.

Громко хлопнула дверь. Мышка испуганно присела, укрылась за скамейкой. Боязливо высунула носик.

Похоже, просто сквозняк...

Вот листки с математическими расчётами, из-под них высовывается краешек подаренного ей самой учебника высшей математики. "Пилотирование дирижаблей для чайников" с прожжённой обложкой...

Краешком глаза девушка заметила, как дверь снова приоткрылась.

Ей показалось, что в свете тусклой лампочки, укреплённой над входом, мелькнули густые развесистые усы...

* * *

— Вы занимаетесь конструированием? — удивилась мышка, рассматривая разложенные прямо на верстаке чертежи.

Артемус почему-то страшно смутился.

— Да ну, что вы... Это так... безделица... Конструкция... для одного заказчика...

Рядом, на расстеленной на полу чистой тряпице лежали отлитый из алюминия воздушный винт, какие-то штыри и колёсики. Мыш-механик поскорее накрыл их другой тряпицей.

— Так, детали... — неопределённо махнул он рукой, непонятно от чего краснея. — Тоже для той конструкции...

— Кажется, они фабричного изготовления.

— О, да! Мне помог Вадим, скрипач из нашего оркестра, — у него есть друзья на одной небольшой фабрике за городом.

И замолчал, суетливо одёргивая фартук.

Гаечка взяла его за руку. Встретилась взглядом с его ярко-синими глазами.

— Я уверена, что у вас всё получится!

Артемус покраснел. Неловко дёрнул ухом.

— Мне бы вашу уверенность, сударыня... Никак не придумаю, как повысить давление в цилиндрах, не взорвав их. Я, знаете ли, в институте не учился, самоучка, знаете ли...

— Я — тоже, — ласково проговорила она. — Но точно знаю, что вместе мы сделаем всё, как надо!

— Да вы просто жонглируете формулами, дорогая мисс! — поражённо выдохнул её друг. — Ни за что не поверю, что вы не получили университетского образования!

Они сидели на нижней посадочной площадке, примыкавшей к машинному отделению, куда привозили всяческие грузы. Пристроились за крошечным столиком, кое-как слепленным из кусочков пластика, на деревянных чурбачках, заменявших стулья. Вокруг громоздились штабели пустых ящиков, горы угля и дров, груды разнообразного мусора. В одном углу валялся свёрнутый бухтой длинный шланг, в другом — возвышалось что-то непонятное, большое, округлое, плотно прикрытое толстой дерюгой.

— Это та самая конструкция, о которой вы упоминали? — поинтересовалась мышка.

— Это? Да... — нарочито небрежно махнул рукой Артемус. — Безделица... Лучше скажите, достаточно ли толщина стенок в этом месте?

Гаечка, чиркая огрызком карандаша на клочке газетной бумаги, быстро произвела расчёт.

— Вполне. Даже с избытком.

— Это хорошо...

— А всё-таки, что вы собираете? — поинтересовалась она. — Дирижабль?

Артемус нервно куснул губу.

— Право... прошу меня простить... но это и вправду секрет... по ряду причин... Но, как только я всё сделаю, я обязательно скажу вам, сударыня!

— Сударыня... — выдохнула изобретательница. — Вы говорите так чудно... Как будто прибыли из позапрошлого века...

Он пожал плечами. Улыбнулся неловко.

— Не от мира сего, вы хотели сказать? Что ж поделать — таков я... Вечно витаю в облаках. Люблю старые времена, век пара, век путешествий и приключений. Мечтаю о приключениях. Люблю рассматривать старинные карты, читать старые книги, слушать старые песни...

Оркестр на верхней площадке вновь заиграл старую песню:

В саду под скамейкой записку нашёл:

"Свиданье в двенадцать"! Я в десять пришёл...

— А вы любите приключения, сударыня? — вдруг тихо-тихо спросил мыш-механик.

Гаечка кивнула.

— У вас их, наверно, было преизрядное количество. Где вы только не побывали: и в Южной Америке, и в Англии, и в Китае, и даже в безвоздушном пространстве... Вы знаете, я заядлый книголюб, в своё время извёл немало денег, покупая книги. В том числе и романы о похождениях Спасателей за авторством некоего Гордона Эккертона. Я зачитал их буквально до дыр, можно даже сказать, выучил наизусть! Как же я вам завидую!.. И как сам мечтаю когда-нибудь отправиться в неведомые страны, сжимая в руках штурвал, плечом к плечу с лучшим в мире другом...

И улыбнулся какой-то своей мысли, и произнёс с посветлевшим лицом:

— И это не просто мечта...

И тут же снова закусил губу. И на редкость невпопад пробубнил, глядя в сторону, прямо на валявшуюся в дальнем конце посадочной площадки бухту шланга:

— Так вы, мисс, полагаете, что дирижабль будет лучше слушаться руля, нежели обычный аэростат?

Немного обескураженная такой резкой переменой темы разговора мышка даже не сразу нашла, что ответить:

— Э-э-э... нет... то есть да! Несомненно! Вы же сами видели, что это подтвердилось моими расчётами.

Синее небо в глазах Артемуса затуманилось.

— Что ж, жаль...

Изобретательница участливо взглянула на него. Сказала негромко:

— Но, если вы хотите, я рассчитаю и обычный аэростат. Вдруг ваш заказчик захочет именно его!

— Огромное вам спасибо, сударыня Гайка! — с чувством ответил Артемус и даже прижал ладонь к сердцу. — Вы меня так выручили!.. Ведь голубой шар — это так красиво! Совсем как в той песне...

Дейл неизвестно где раздобыл большущую соломенную шляпу, прицепил к ней воробьиное пёрышко и нахлобучил на голову, вмиг став похожим на гриб-опёнок. Соорудил из спички и круглого кусочка пластика шпагу. И, наконец, нацепил на физиономию разбойничью чёрную бороду.

— Я — знаменитый воздушный пират Мануэль Гарда! — провозгласил, салютуя шпагой. — Мой паровой самолёт быстрее молнии, моя шпага не знает промаха, и мои сундуки полны награбленных сокровищ! — И встал в героическую позу. — Ну, кто желает сразиться со мной?

Чип оторвался от чтения романа Персиваля Рамблхолда "Паровой мастодонт" и критически оглядел давнего друга.

— Опять начался своих пиратских комиксов?.. Угомонись же!

Какое там!.. Красноносый лишь раззадорился. Подскакивая петухом, принялся наседать на командира Спасателей.

— А ну поднимайся из кресла, жалкий трус! Сразись с самым храбрым пиратом четырёх воздушных океанов не на жизнь, а на смерть! Я сниму с тебя скальп и прибью над камином!

Тут из кухни вышел закончивший мыть посуду после ужина Рокфор. Увидев разошедшегося Дейла, он хищно вспушил усы.

— Ах, ты, пиратское отродье! — иерихонской трубой загудел он на весь штаб. — Да как ты осмелился появиться здесь! Это говорю тебе я, Максатус, шериф Лоуэлла!

Он нырнул в кухню и выскочил, сжимая в руке поварёшку. Выставил её наподобие шпаги и бросился на красноногого.

Дзинь! Бах!

— Защищайся, сухопутная крыса!

— Это кого ты назвал сухопутной крысой!

Тресь! Шмяк!

Торчавшее в шляпе перо, сражённое мастерским выпадом австралийца, отвалилось и попало Дейлу прямо в нос.

— Ага, сдавайся, проклятый шериф! Я тебя... а... а... а-а-а-апчи!!!

Борода слетела с его лица и угодила в раззявленный в победном крике рот Рокфора. Тот принялся шумно отплёвываться.

Чип оглушительно приснул, схватился за живот, уронил книгу и даже едва не вывалился из кресла. На спинке диванчика корчился умирающий со смеху Вжик.

— Гаечка! — позвали все, пересмеявшись. — Хватит работать! Иди к нам, устроим пиратское побоище!

Гайка поднялась из-за столика у окна. Собрала бумаги с расчётами. Потёрла уставшие глаза.

— Извините, ребята... Но мне сейчас действительно некогда. Нужно поскорее закончить вычисления.

Чип нахмурился.

— Опять для того кружка паровых машин?

— Нет-нет... — быстро ответила мышка, пряча глаза. — Это для... э-э-э... "Ассоциации любителей... этих самых... как же их?... паровых самолётов... паролётов"!

* * *

Дверь, выходящая на грузовую посадочную площадку, почему-то оказалась запертой. Гаечка подёргала ручку, даже постучала на всякий случай, но тщетно.

Странно... Раньше эту дверь никогда не запирали...

Она протиснулась между ящиком для угля и поставленной рядом пустой жестяной бочкой и оказалась у стены. Здесь было прорезано крошечное окошко, из которого, если высунуть голову и исхитриться вывернуть шею, можно было увидеть краешек посадочной площадки.

Увы, отсюда ей мало что удалось рассмотреть. Только штабель ящиков, которые, по словам Артемуса, поставщики всё никак не удосужатся забрать, да ещё нечто грязно-серое, бесформенное, опутанное толстыми бечёвками.

И тут входная дверь снова хлопнула. Мышка быстренько юркнула за бочку, осторожно выглянула.

Это были официант в белоснежной униформе и повар.

— Уголь вон там, — небрежно бросил первый, полируя когти о щегольский пиджак. — Видишь ящик? Тебе же вроде уже говорили, когда позавчера ты поступил к нам на службу...

— Да запомнил я... — второй виновато пожал плечами.

После чего спешно подошёл к угольному ящику и принялся совком пересыпать чёрные куски в грязный мешок.

— Топливо для плиты закончилось, — унылым басом протянул он, — заказы стоят, а ваш техник... как его бишь?.. Артур?.. чёрт знает где бежит...

— Артемус, — поправил его первый, любуясь блестящими коготками. — Артемус Флайт. Он в холодильнике. Там снова лопнула трубка, и он ставит новую.

Второй шмыгнул носом. Потряс мешком.

— А-а-а... И надолго он там?

— Обещал закончить через пять минут. Торопится всё, хочет успеть до темноты... — тут официант криво усмехнулся. — Ждёт кое-кого...

Гайка наострила уши.

И тут, как назло, предохранительный клапан большой машины у неё над головой издал пронзительный свист. И официант, и повар аж присели с перепугу.

— Идём отсюда, Уилли, — первый с кислым видом огляделся, стряхнул с костюма невидимую пылинку. — Не люблю торчать тут.

— Ага, пошли, Люк...

Они поспешно удалились.

Гайка, гулко бухая сердцем и от нетерпения терзая хвост, на всякий случай подождала пару минут. Выскочила из-за бочки, бросилась к двери, осторожно-осторожно приоткрыла её, убедилась, что оба нежелательных визитёра находятся далеко от неё, на пролёте первого яруса.

И, пригнувшись, быстро рванулась вверх по лестнице, на второй ярус, где находился холодильник.

Милый Артемус! Поломка наверняка серьёзна, и он нуждается в помощи...

Любил я, люблю, вечно буду любить.

Зачем же меня понапрасну томить? —

доносилась с площадки песня.

* * *

— Только не высовывайтесь, сударыня, — прошептал Артемус. — Он всё ещё стоит и смотрит.

Управляющий рестораном был невероятно толст и невероятно важен. Шикарный, явно сшитый на заказ костюм едва ли не трещал на нём. На пальце колючей искрой горел бриллиантовый перстень.

Мыш-механик поправил тряпицу, которой в спешке прикрыл баллон с гелием. Нервно крутнул хвостом, сорвал и снова нахлобучил шапчонку.

— Уф... кажется, уходит...

Мышка, несмело поглядывая вверх, на лестницу, вылезла из-за кучи мусора. Страхнула приставший к комбинезону клочок скотча.

Её друг сбросил тряпку на пол, присел, поудобнее обхватил руками тяжеленный баллонище. Крякнул, рывком приподнял ношу на пару звериных дюймов и едва не упал.

— Давайте вместе! — и мышка кинулась к нему.

Вдвоём они перетаскивали баллон в помещение, поставили в угол. Мыш бережно обложил толстый металлический цилиндр всяким мусором.

— Это для маскировки, — пояснил он. И добавил грустно: — Если моё начальство увидит всё это, меня, скорее всего, моментально уволят. А если увидит кто-либо из моих коллег, он, скорее всего, тотчас доложится начальству, а потом, как пишут в технической документации, смотрите пункт "а"...

Гайка ободряюще улыбнулась ему. Пальчиком смахнула с его носа пятно грязи.

— Ох, сударыня... И что вы во мне нашли?..

Они встречались так уже больше двух месяцев. Каждый день Гайка удирала из дома, придумывая для беспокоящихся за неё друзей правдоподобную чушь, прибывала в "Панораму" и тайком спускалась в машинное отделение. К счастью, до сих пор ей удавалось избегать интереса со стороны персонала: поглощённые заботами официанты и повара, с которыми она изредка сталкивалась на лестнице, не особо обращали на неё внимание, а управляющий предпочитал торчать у себя в кабинете или на верхней площадке, наблюдая за публикой.

Частенько Артемус был буквально завален работой. Машины часто выходили из строя, и маленький механик, мокрый от пота, весь в саже и смазке, носился туда-сюда, прочищал, смазывал, паял, клеил, менял то трубу, то клапан, то шестерню. На его руках краснели ожоги, чернели забитые грязью порезы; мышка промывала их спиртом и смазывала йодом, а Артемус морщился и сдавленно шипел сквозь зубы.

— Вы так много работаете, милый Артемус, — жалела она его.

— Полноте, сударыня! — залихватски улыбался он. — Право же, это такая безделица...

Под его глазами уже чернели круги. Шутка ли: он пропадал на работе почти круглые сутки, днём — занимаясь своими прямыми обязанностями, а ночью — собирая свой таинственный летательный аппарат. Проводив подругу домой, он извинялся и спешил на последний челнок.

— У меня есть мечта, — говорил он. — А, чтобы мечты сбылись, нужно много трудиться.

И милая мышка с ним соглашалась.

Она часто помогала ему. Подбрасывала дрова и уголь в топку, когда механика не было на месте, выгребала сажу, закладывала в недобро щерящиеся зубьями шестерни редукторов густую смазку, подтягивала болты, когда они чересчур разбалтывались. А однажды отремонтировала водопровод и наконец-то наладила душ.

— Ох, да как же меня благодарить вас, любезная мисс! — всплеснул руками, едва не выронив гаечный ключ, Артемус. — Теперь я могу, как положено, принять ванну после работы.

— Пустяки... — ответила Гаечка. — Мы — Спасатели, и это наш долг.

Она хотела добавить, что ей нравится помогать молодому мышу, разговаривать с ним, просто находиться рядом, но так и не смогла. Только потупилась глазками и принялась мять хвост.

Она так ничего и не рассказала друзьям. При одной мысли о том, что ей придётся поведать о своей дружбе кому-то другому, у неё спутывались мысли, лицо вспыхивало неудержимым огнём, и слова застревали в горле. А ведь или Чип, или Рокфор, или Вжик, или Дейл обязательно поинтересуется, что это такое — просто дружба или...

— Сударыня! — ахнул Артемус. — Да что с вами? Почему вы так покраснели? Вам жарко? Пожалуйста на грузовую площадку, на свежий воздух. Не упадите! Давайте я вам помогу!..

Его лицо приблизилось вплотную, мягкие волосы щекотнули её носик. И она, неожиданно от себя самой, вытянула губы и поцеловала его.

— Ох... — только и смог вымолвить мыш и тоже покраснел...

Но больше всего им нравилось разговаривать, рассказывать истории. Чем они и занимались, едва выпадала свободная минутка.

Гаечка поведала, как Рокфор однажды решил приготовить сырную похлёбку по какому-то особенному рецепту, но переборщил, повышая давление в скороварке, и последняя взорвалась, после чего им всем пришлось отмывать всю кухню от залипшего всё и вся на редкость запашистого чеддера¹. ("Да я на него теперь год смотреть не смогу!" — клялся Рокки, заедая неудачу внушительным кусом пахнущего орехами реблошона.) Как собрала пылесос, но немного переусердствовала с мощностью, и её новое изобретение засосало малыша Вжика. Как ей удалось починить найденный на свалке смартфон, а на нём обнаружилась установленная прежним хозяином игра-ужастик; ребята играли в неё до самой полуночи, а потом Рокфору приснился кошмар, и всему бравому отряду пришлось отпаивать его, трясущегося от страха, сладким калифорнийским бренди.

Артемус рассказывал, как он, учась в колледже, написал приключенческий роман и отправил его в издательство "Глобал Эксплорер", но так и не получил ответа. Как на бейсбольном матче, куда его позвали играть вместо некстати заболевшего кэтчера, неожиданно для самого себя, своих одноклассников, да и для противников тоже поймал особенно кручёный мяч и принёс победу своей команде. ("А ведь до этого, сударыня, мы уже лет сорок проигрывали все матчи без исключения!") Как, неся девушке, за который пытался ухаживать, цветок с городского газона, едва не попал под грузовик. ("А девушка та, увы, ушла вместе со здоровяком капитаном бейсбольной команды, сыном одного толстосума, принёсшим ей в подарок настоящую орхидею...")

— Тот здоровяк сказал мне, что я рохля, — сказал мыш, — вечно витаю в облаках, лечу за мечтой.

— Разве это плохо?.. — негромко ответила мышка.

* * *

— Как конструкция, которую вы собираете? — поинтересовалась Гаечка, прикрывая последний баллон лоскутом плотной парусины.

Механик отчего-то стушевался. Пробубнил, глядя в пол:

— Конструкция... конструкция прекрасно... просто замечательно... то есть, я хотел сказать, что почти собрана.

— Заказчик доволен?

— Безусловно, даже очень!..

И посмотрел прямо ей в глаза.

— Спасибо вам огромное, сударыня Гайка, за вашу помощь! Без вас я бы ни за что не осилил это начинание!..

Гаечка покраснела и потупилась.

— Ну, что вы... Я просто исполняла своё долг. Ведь вы спасли меня от хулиганов, тогда, в парке... — и добавила едва слышно: — Что было очень благородно с вашей стороны...

— Кто это тут у нас такой благородный? — слышалось рядом.

Это был официант из ресторана. Белоснежный костюм, галстук-бабочка, щеголеватые тонкие усики. Масляный, какой-то неприятно-липкий взгляд, которым он скользнул по Гайке.

¹ См. эпизод "Обманщики по заказу".

— Девушка, — осклабился новоприбывший, — я, конечно, чрезвычайно раз вас видеть, но это помещение разрешено посещать лишь непосредственному персоналу нашего уважаемого заведения. А вы, насколько я помню, таковым не являетесь...

И, слегка поклонившись, с развязным видом протянул руку.

— Но, если вы желаете, я провожу вас в более подходящее случаю место, где мы и продолжим нашу беседу.

Артемус порывисто вскочил с места, встал между ними.

— Люк, — его голос звенел от негодования, — что ты здесь делаешь? Твоё место — наверху.

Люк смерил худенького механика ленивым взглядом. Поиграл стальными мускулами. Неспешно достал из кармана пачку сигарет и зажигалку.

— Разве не видишь: я пришёл выкурить сигаретку в перерыв и побеседовать с прелестной дамой. Надеюсь, ты не будешь мешать нам, станешь, наконец, следить за машинами...

Артемус громко прочистил горло.

— Эта дама — известный во всём городе специалист по паровым двигателям. Я пригласил её для консультации. Она здесь по собственному желанию, следовательно, заведению это ничего не будет стоить. Ты что-то имеешь против?

Улыбочка ледяной змеей сползла с масляного лица Люка.

— А что на это скажет управляющий? — не особо смело заметил он.

— Управляющий не далее как неделю назад на собрании призывал сотрудников проявлять инициативу. Тогда он ещё сделал тебе выговор, насколько мне помнится... Хочешь сказать, что этого не было? Может быть, сходим к нему и уточним?

Официант оскалился. Скомкал сигарету, бросил её на пол. Зло брызнул слюной:

— Шеф тебя самого в бараний рог согнёт, умник! За то, что ты ни фиги не работаешь, а всё мечтаешь о приключениях, — и пропел гнусавым голосом. — Вперёд к странствиям, держа одной рукой штурвал, а другой — ладонь верного друга, и никогда не выпускать её... Тьфу! Даже говорить выучился по-старорежимному...

И поскорее пошёл прочь.

Когда за наглцом в белом костюме закрылась дверь, Гаечка шумно выдохнула.

— Ох... огромное спасибо вам за то, что вступились за меня!.. Терпеть не могу таких нахалов!

— Пустое... Этого, прошу прощения, хлыща давно следовало поставить на место.

— А управляющий и в самом деле способен?.. — У мышки от волнения сжалось сердечко.

— Пустое... — совсем тихо ответил Артемус.

И, тряхнув головой, преувеличенно бодрим голосом доложил:

— Я усилил конструкцию гондолы, вставив дополнительные рёбра жёсткости. Всё согласно вашим расчётам. Осталось выполнить не так уж и много: сделать крепления для канатов, которыми гондола будет крепиться к баллону, поставить электрогенератор и провести электрическую проводку. Если с этим не возникнет затруднений, через неделю моя конструкция будет готова! И тогда...

Его глаза вспыхнули неземным небесным светом. Будто кусочек безоблачного синего неба упал в них — да так и остался навеки.

Гаечка придвинулась поближе, осторожно взяла его за руку.

— Вы говорите: держать ладонь лучшего друга, и никогда не выпускать её? — прошептала она с сильно бьющимся сердцем.

Его глаза — кусочки неба — сияли у самого её лица. Его пальцы мягко, но плотно обхватили её ладошку...

...Они сидели на скамейке, держась за руки. Вокруг громыхали машины, вертелись шестерни, пылало пламя — но ничего этого для них не существовало.

Пока не задребезжал висевший под потолком жестяной колокольчик...

— Гаечка, милая моя! — Рокфор положил ей на плечико мягкую, пахнущую сыром ладонь. — Опять ты сидишь за этими проклятыми книжками!.. Да выйди на улицу, погуляй немного. Парни как раз собираются на тот конец парка на какое-то не то представление, не то концерт.

— Конкурс юмористов, — поправил его вошедший следом в мастерскую Чип.

— Первый приз — паровой баян, — добавил улыбающийся во весь двузубый рот Дейл.

Гайка оторвалась от "Практического курса сопротивления материалов", сильно потрёпанного томика, с трудом найденного в звериной библиотеке. Потёрла усталые глаза.

— Извините, ребята... Но мне нужно срочно закончить кое-какие расчёты.

Командир Спасателей нахмурился.

— Всё для той ассоциации, в которую ты теперь ходишь каждый вечер?

— Да, для "Ассоциации любителей воздушных шаров".

— А вчера ты назвала её "Ассоциацией любителей дирижаблей", — подозрительно заметил Чип.

— Ой!.. да... и вправду... Это "Ассоциация любителей воздушных шаров и дирижаблей".

Вжик сел на столик. Посмотрел на страницу книги, испещрённую мудрёными формулами. Приподнял листок, записал, указывая на обложки томов, что лежали под ним.

— "Проектирование летательных аппаратов легче воздуха", "Электрические цепи", "Электродвигатели и электрогенераторы". — Австралиец вздохнул. — То кружок тот, теперь эта ассоциация, будь она неладна... Совсем ты себя не щадишь, мышенька моя: работаешь целыми часами, убегаешь невесть куда на ночь глядя и так поздно возвращаешься!.. И так уже... сколько недель?.. мы уж со счёту сбились... Ох-ох-ох...

Наконец друзья ушли. Гаечка сунула носик в опустевшую кружку, поднялась на ноги, схватила листки с расчётами, уткнувшись в них, направилась на кухню налить себе ещё кофе.

— Я должна закончить работу... — говорила она себе. — Я должна помочь Артемусу...

На взлётно-посадочной площадке опять веселились соседские дети. Слышались звонкие крики: "Я буду капитаном Азимут! Нет, ты был им вчера, теперь я буду! А ты — маэстро Бернулли, друг и помощник капитана. Смотрите, мне папа купил настоящие гогглы!"

Изобретательница поставила кружку на стол. Потрогала чайник — уже остыл... Ещё раз пробежала глазами сжатые в кулачке листки.

"Кажется, всё верно. Теперь электрогенератор обеспечит достаточную мощность и для внешнего прожектора, и для светильников в салоне, и для остального электрооборудования".

Она подняла голову, взглянула на укреплённые на стене маленькие часики.

Уже шесть часов! Скоро прибудет челнок!

Пустая кружка осталась сиротливо стоять на столе. Её хозяйка со всех ног бежала к выходу из штаба.

Краем глаза она заметила, что её друзья, собравшись в гостиной и бросая на неё озабоченные взгляды, шушукаются между собой. Но не придавала этому значения — её занимали совсем другие мысли.

"Милый Артемус! Пусть у тебя всё получится..."

* * *

Я ночи пройденной забыть не могу,
С тех пор еженощно встречались в саду.
И в вечной любви мы клялися вдвоём,
Луна и скамейка свидетели в том.

Нежный голос скрипки плыл в воздухе лёгким тополиным пухом. Ему в такт тихо наигрывал аккордеон и мягко вздыхала туба.

Гайка одолела лестничный пролёт и оказалась на второй площадке, куда выходила дверь холодильного отделения. Остановилась на мгновение перевести дух, унять бешено бьющееся сердце.

Наверху, над поручнями, возникла физиономия араба. Он быстро глянул на мышку и тотчас скрылся.

Дверь холодильника была тяжёлой, плотно обитой войлоком. Девушка-мышка повернула ручку. Глухо клацнул замок; пахло морозом.

— Сударыня!

Это был он. Артемус.

Саж на лице, кусок изоляции, запутавшийся в волосах. Суконная шапчонка — козырёк, держащийся на паре ниток, вот-вот отвалится. Один рукав комбинезона почти оторвался; на штанине появилась новая подпалина. В руке — ящик с кое-как сваленными в спешке инструментами.

Он всплеснул руками и едва не выронил ношу.

— Милая Гайка, вы, наверно, заждались меня! — выдохнул он. Прижал руку к груди: — Ах, я, глупец и невежда — надо было сбегать наверх, встретить вас, предупредить.

— Ничего страшного, Артемус... — прошептала она, принякая к нему. — Ничего страшного... Я подожду...

— Идёмте наверх. Негоже вам оставаться тут. Вдруг увидит кто-нибудь...

Они поднялись на площадку. Ветер ударил им в лица, взвихрил светлые волосы Артемуса, мягко тронул золотые локоны прелестной мышки.

— Я обещал вам сюрприз, — тиходохнул механик ей в ушко. — Вы не забыли?

— Какой сюрприз? Где он?

Он указал рукой куда-то вниз.

— Там. Только... увы... но он ещё не совсем готов... Придётся обождать ещё час или около того...

— Флайт! Флайт! Опять бездельничаешь?

Это был управляющий. Ну как же некстати он появился!..

Сытая красная рожа перекосилась от злобы. Пухлые ладони сжались в кулаки; ледяными искрами горели на жирных пальцах три бриллиантовых перстня.

— Ты почему не следишь за техникой? А? Я тебя спрашиваю? Почему она у тебя вечно ломается? Почему мой ресторан простаивает?

Даже под густым слоем сажи было видно, как побледнел худенький мыш.

— Извините, мистер начальник... я... я... стараюсь... но... но... — Он глубоко вздохнул. — Но материалы, которые вы закупаете, к сожалению, не всегда бывают качественными. Касательно трубы в холодильнике, то я заменил её позавчера, а сегодня она снова лопнула. Я же просил вас раздобыть более толстую трубу, но...

— Молчать!!!

На истерический визг толстяка стали оборачиваться.

— Ты обвиняешь в том, что машина не работает, меня?!! — палец управляющего ткнулся в грудь Артемуса. — Ты, бездельник! Похоже, зря я тебе плачу... И даже позволяю тебе загромождать мою грузовую площадку всяким металлоломом!.. Слышите, звери добрые? — запричитал он плаксиво. — Вот она, нынешняя молодёжь!!! Не хочет работать и не ценит доброго отношения, что мы им оказываем!..

И навис над Артемусом, будто гора.

— Ты уволен! Проваливай!

Мыш-механик побелел как бумага. Вздрыгнул, выронил ящик с инструментами. Заикаясь, произнёс:

— Но... но... но... можно я хотя бы заберу свою конструкцию?..

— Ещё чего! Она останется мне — в компенсацию убытков. Сгинь, исчезни с глаз моих — и чтоб сию же секунду!!!

Наступила мёртвая тишина. Окаменевшая мышка смотрела, как её друг, сгорбившись, будто под неподъёмным грузом, медленно поворачивается и идёт прочь.

Она бросилась к нему. Схватила его за руки, взглянула в его лицо — по грязной щеке бежала блестящая слезинка.

— Простите меня, сударыня... — прошептали его губы. — Я подвёл вас... — И попытался улыбнуться. — Даже не знаю, что вы во мне нашли...

— Минуточку! — услышался знакомый голос.

Из толпы собравшихся вокруг вышел араб. Сорвал с лица повязку и превратился в...

— Рокки? — удивилась Гаечка. — Что ты здесь делаешь?

Австралиец подмигнул ей зелёным глазом. Шагнул, хлопнул по плечу Артемуса, шепнул: "Не дрейфь, дружище!" Возвысил голос:

— Уважаемые звери! Есть ли среди вас кто знающий толк в механике?

Раздвинув толпу могучими плечами, к ним протиснулся Реджинальд Роув. За ним следовал длинный крыс в куртке из кожзаменителя, серых штанах, крагах, с нацепленными на голову очками-консервами.

Рокфор сунул руку под складки одеяния и выудил оттуда половинку шестерни. В солнечном свете заискрился неровный зернистый излом.

— А скажите-ка мне, что вы думаете об этой деталюшке?

Роув склонился, посмотрел внимательно. Выпрямился, достал изо рта нестерпимо дымящую сигару.

— Непрестанно имея дело с паровыми машинами, я научился неплохо разбираться в них. И мне кажется, что эта шестерня негодная. Она просто не должна была так треснуть!

— Неверный режим закалки, — веско заявил длинный. — Деталь явно бракованная, купленная за гроши вместо доброкачественной. Это так же верно, как и то, что моё имя — Лоренцо Энжини!

— Энжини! Сам Энжини! Знаменитый гонщик! — прошелестело вокруг.

К Рокфору подошли усатый коротышка-бурундук и клоун. Первый резко, с треском содрал с лица усы и стал Чипом. Второй снял разноцветный парик и оказался Дейлом.

— И это не единичный случай, когда этот тип обманывал своего работодателя, — громко произнёс Чип. — Как нам удалось выяснить, имели место не менее пяти эпизодов явного мошенничества.

— Вот именно! — веско ткнул пальцем Дейл.

Теперь уже настала очередь бледнеть самому управляющему. Он затрясся, как ком малинового желе, отступил, прижался к поручням и даже вроде как уменьшился в размерах.

— А вы докажите! — вякнул визгливо.

Толстый мыш-австралиец спокойно пригладил рыжую шевелюру.

— Доказывать тут тебе никто ничего не будет, прохвост ты этакий, — пробасил он с ухмылкой. — Мы с минуту назад перекинулись словечком с самим мистером Гарольдом Кошельком, владельцем этого уважаемого предприятия, и рассказали ему о твоих тёмных делишках всё.

— Мы знакомы с Кошельком, — сурово бросил командир Спасателей. — Мы однажды спасли его от мошенников из культа "Ку-ку-колы"².

— Понял? Нет? — грозно набычился весельчак.

Подлетел Вжик, свирепо запищал, размахивая крохотными кулачками.

— Так что объясняться, жуликоватая морда, будешь с самим стариной Гарольдом! — увесисто подытожил Рокки.

— И очень скоро, — заверил Дейл.

А любитель сыра тем временем приблизился к Гайке и Артемусу. Обнял их могучими ручищами, жарко дыхнул в уши:

— Не кручиньтесь, детки мои! Лучше посмотрите во-о-он туда.

Мышка и мыш одновременно повернули головы.

² См. эпизод "Культ Ку-ку-колы".

В небо величаво поднимался воздушный шар.

Он был выкрашен в нежно-голубой цвет — совсем как летнее лос-анджелесское небо, омытое недавним дождём и пронизанное тропическим солнцем. Под баллоном, надёжно привязанная толстыми канатами, слегка колыхалась пузатая гондола. Из выкрашенной в чёрное трубы вырывались клубы дыма; воздушный винт мерно взмахивал лопастями, будто звал за собой, приглашал прямо сейчас отправиться в незабываемое путешествие.

Гаечка ощутила, как задрожал от волнения её друг, её возлюбленный.

— Пресвятые угодники!.. — ахнул он. — Это же мой аэростат, моя конструкция, та самая, что я собирал целых три месяца... Но ведь... она была почти готова... оставалось лишь наполнить гелием баллон... только это процесс небыстрый...

Словно в ответ, один из иллюминаторов в гондоле открылся, и из него высунулись две физиономии: одна пухлая, покрытая оспинами, с пепельными усами под крупным чёрным носом, уже знакомая Спасателям, а вторая костлявая, с чёрными глазками и короткими, чёрными-пречёрными усиками.

— Принимайте аппарат, друзья! — зычно прокричал обладатель первой физиономии. — Сынуля, привет! Не скучал без меня?

— Папа... — растроганно протянул Рокки. И добавил во всеуслышание: — Это мой папка, сам Чарли Чеддер.

А владелец второй физиономии добавил с самым серьёзным видом:

— Летательный аппарат — высший класс! Его конструкторам и строителям — моя самая искренняя похвала! Если бы я был чуть помоложе, я бы отправился на нём навстречу приключениям. Клянусь великими братьями Монгольфье!

— А это, — прокомментировал сыролюб, — мой старый приятель Ханс Гербер. Между прочим, хороший знакомый Реджи Роува, самого знаменитого путешественника, что когда-либо видел свет!

Великий путешественник, стоявший рядом, тоже узнал старого друга, сорвал шляпу и от избытка чувств заливисто засвистел.

Аэростат приблизился к пассажирской площадке. Снизился. Сам Чарли, не дожидаясь, пока расторопные техники придут в себя, открыл дверь, выпрыгнул, схватил могучими ручищами причальный канат, примотал его к кнехту. Прокричал:

— Ну что, друзья, готовы к приключениям?

Артемус протянул руку Гаечке.

— Так это и есть тот сюрприз, о котором вы говорили? — с замиранием сердца спросила она.

— Да, это он, — просто ответил мыш-механик. — В честь нашей с вами дружбы. Но идёте же! И обернулся к остальным.

— Уважаемые Спасатели, добро пожаловать на борт моего... нет, простите, уважаемая Гайка!.. нашего летательного аппарата! Там тесновато, но, полагаю, места хватит на всех.

* * *

Места и вправду хватило на всех.

Аэростат уверенно продвигался вперёд. Мерно шумела паровая машина. Гудел за стенами гондолы ветер.

Артемус и Гайка, держась за руки, стояли у штурвала. За ними, щекоча их уши пышными усами, размещался австралиец.

— Ты уж не серчай, мышка моя, но мы решили малость пошпионить, — говорил он. — Ты ж уходила, считай, на ночь глядя, а ночью в городе беспокойно... С неделю назад Вжик тихонько направился следом за тобой и всё разузнал. Он у нас ведь умница, старинный мой дружище! Ну, а, вернувшись, доложил нам. Обо всём: и о ваших... гм... отношениях, и о подарке, что готовил тебе твой парень. О-хо-хо!.. мы пару дней сами не свои ходили... Всё думали, как бы открыть тебе, что нам уж всё известно, да так и не придумали... Поперву Чип и Дейл дулись, как, хе-хе, мышь на крупу, но, раз уж ты нашла избранника на стороне, что тут поделаешь... Сердцу ведь не прикажешь, как говорится.

— Полагаю, Гайке это не интересно!.. — хмуро оборвал Чип. Притих, задумался на секунду, продолжил деловито: — Но позавчера события приняли иной оборот. Вжик снова отправился следом за тобой, Гайка, но немного опоздал и потерял тебя из виду. В поисках он забрался в кабинет управляющего и случайно подслушал, как тот говорил шеф-повару, что в ближайшее день-два собирается уволить тебя, Артемус, а твой недостроенный аппарат — оставить себе.

— Он хотел продать его на запчасти и прикарманить денежки, — встрял Дейл, клочком бумажной салфетки оттирая с лица грим. — А шеф-повар — молодец, вступился за тебя, только этот жулик всё равно его не послушал!.. Ну, в общем, мы решили помочь Артемусу, доделать воздушный шар и заодно вывести управляющего на чистую воду. — И добавил, переглянувшись с командиром: — Мы ведь хотим, чтобы ты была счастлива.

Стоявший у стенки Чарли Чеддер откашлялся и взял инициативу в свои руки:

— А вчера в город прибыли мы с Хансом. Ну прям как сам господь нас надоумил!.. Малыш Рокки встретил нас в порту и сразу же выложил всю эту историю. Ханс, молодчина, не отказал в помощи, пообещал доделать летающую машину.

— Беру пример с вас, brave Спасатели, — улыбнулся тот в жёсткие усы. — Хотя, надо сказать, оставалось лишь наполнить баллон гелием. Это газ легче воздуха, его перевозят в коричневых баллонах.

Гайка тоже улыбнулась ему.

— Как я поняла, — закончила она, — операция была назначена на сегодня. Чарли и Ханс заканчивали сборку аэростата, а вы ребята, замаскировавшись, наблюдали за обстановкой. Честно говоря, Рокки, в роли араба ты не смотришься — с твоими-то пронзительно-зелёными глазами.

— Э-эх!.. Да-а-а... нашла на старуху проруха... — Любитель сыра хохотнул. — Зато из Дейла получился отменный клоун. Ребятишки были в восторге!

Тут мышка покраснела. Потупившись, спросила тихо:

— Вы сказали, что узнали обо всём ещё неделю назад... И о том, что с Артемусом... в общем...

Рокфор мягко поцеловал её в ушко.

— Любите друг друга? Да что ж в этом-то такого мудрёного? Чай, мы со стариной Вжиком тоже бывали влюблены... Ох, доченька, ты бы знала, как мы за тебя рады!.. А ты, тощий, — вдруг напустился он на молодого мыша, — заботься о своей избраннице! Таких, как она, ещё поискать надо днём с огнём!

Механик, тоже красный, как рак, сбивающимся голосом заверил, что будет заботиться.

— Да шучу я! — австралиец ткнул его пальцем в бок. Проговорил негромко и немного грустно: — Любите друг друга, детки мои, заботьтесь друг о друге. И никогда не бросайте друг друга, слышите: никогда!

— Будь счастлива, Гаечка, — тихо сказал Дейл.

— Будь счастлива, — эхом отозвался Чип.

Разговоры снова как-то сами собой смолкли. И наступившей тишине послышался тихий мышкин голосок:

— Спасибо вам, друзья!

— Огромное спасибо вам всем! — от всей души поблагодарил Артемус.

Повеселевший Чип хлопнул его по плечу:

— Мы же Спасатели. Мы всегда приходим на помощь.

И поинтересовался:

— Кстати, Артемус, ты не думал присоединиться к нам? Лишний механик и конструктор, да ещё такой талантливый, нам очень пригодится. К тому же, так вы с Гаечкой всегда будете вместе.

Мыш-механик обернулся; его глаза сияли.

— Почту за великую честь! Ох... не может быть... я — в отряде знаменитых Спасателей!..

Гаечка приникла к нему, обняла его за талию. Артемус склонил голову к ней.

— Любезная мисс Гайка, — сказал робко. — Вы очень, очень-очень мне нравитесь, — и, ступившись, добавил невпопад: — Извините, если что...

— Артемус... — выдохнула Гаечка.

Их губы сблизилась в робком поцелуе...

Странно, но мышка совершенно не смутилась. Более того — обняла возлюбленного за талию и положила свою хрупкую ручку на его сжимавшую штурвал ладонь.

— Давай на "ты", я? — с улыбкой попросила она.

Артемус склонил к ней голову. Пристально посмотрел вперёд. Спросил тихо:

— Ты любишь приключения?

Дейл от избытка чувств заголосил немзыкально:

Я ночи пройденной забыть не могу,
С тех пор еженощно встречались в саду.
И в вечной любви мы клялися вдвоём,
Луна и скамейка свидетели в том.

На него зашикали.

А на горизонте громоздились груды облаков. Заходящее солнце освещало их, и казалось, будто там, где-то за горизонтом, поднимаются башни таинственного города.

* * *

— Город! Неведомый небесный город! — воскликнул растроганный Роув, провожавший взглядом удаляющийся аэростат. — Ох... мечта моя!..

И затеребил своего друга, что всё строчил и строчил в заветный блокнотик.

— Приятель мой любезный! Хотите или не хотите, но я приглашаю вас в нашу новую экспедицию!.. Нет-нет-нет, даже не спорьте! Покиньте, наконец, душную редакцию, посмотрите на красоты мира, увидите всё собственными глазами! И имейте в виду — я от вас так просто не отстану. Хе-хе, я ещё старину Ханса с собой потащу — и пусть только попробует отвертеться!..

Мимо мелко просеменил пришибленный управляющий заведением; за ним, важно выпятив могучий живот, неспешно, с достоинством шествовал Гарольд Кошелёк.

Один из двоих стоявших поблизости хомяков снял котелок, стряхнул с него невидимую пушинку, оправил чёрный костюм и опёрся на тросточку. Сказал своему товарищу, в точности похожему на него:

— По всей видимости, должностное лицо уволено за воровство.

— Скажу больше: уволено с позором! — ответит тот с жаром — И поделом!

— А не выпить ли нам, уважаемый мистер Томпсон, по рюмочке хорошего бренди?

— С превеликим удовольствием, уважаемый мистер Томсон!

И оба с самым довольным видом направились в ресторан.

Послышался мощный удар — это худенькая мышка с размаху залепила пощёчину надоедливому спутнику, толстому, покрасневшему, мокрому от пота, совершенно раскисшему от выпитого типу-белке. И, не обращая внимания на его причитания, поднялась, задрала короткий носик и направилась прочь.

Вадим, скрипач из оркестра, с улыбкой наблюдал за всем этим через круглые очки в проволочной оправе. Прислушался к чему-то, потряхнул головой, кивнул приятелю-аккордеонисту. Вскинул к плечу скрипочку, взмахнул смычком.

В подёрнутом густеющими сумерками воздухе поплыла старая-старая песня:

Крутится-вертится шар голубой,
Крутится-вертится над головой,
Крутится-вертится, хочет упасть —
Кавалер барышню хочет украсть!

Апрель-май 2018 г.